

КАТОРГА И ССЫЛКА В СУДЬБЕ НЕОНАРОДНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ: 1908–1916 ГГ.

© 2008 Г. А. Салтык

доктор ист. наук, проф. каф. истории Отечества

Курский государственный университет

В статье говорится о деятельности представителей неонароднических партий Центрального Черноземья на каторге, в тюрьмах и ссылке в 1908–1916 гг.

Ключевые слова: каторга, ссылка, неонародники, заключенный, Центральное Черноземье

После поражения революции 1905–1907 гг. положение политических партий в России значительно усложнилось. Разгул репрессий царизма, идеологическая реакция, наступление капитала создали очень трудную обстановку для работы революционных организаций. Строгой проверке «политической благонадежности» подвергали в эти годы каждого государственного служащего, работника железной дороги, студента, учителя, аптекаря, фотографа и т.д. Тюрьмы переполнились заключенными. По деревням разъезжали карательные отряды, подвергая крестьян массовому наказанию.

В состоянии кризиса и упадка, охвативших все стороны деятельности – идейную, тактическую и организационную, находилась и одна из популярнейших в стране – партия социалистов-революционеров. Причем ее кризис оказался глубже и болезненнее, чем кризис, переживаемый в то же время другими политическими партиями. Его усугублял такой важный фактор, как разоблачение провокатора Е. Азефа, которое усилило сомнение в отношении террора как средства политической борьбы. Большой удар по партии нанесла аграрная реформа П. А. Столыпина, направленная на разрушение общины – идейной основы эсеровской «социализации».

Определенную роль сыграло и совершенствование системы губернского политического сыска. С 1 сентября 1908 г., к примеру, в Курске было открыто сыскное отделение 3-го разряда. Его агенты занимались, прежде всего, «выявлением революционной крамолы в губернии». Используя информацию филеров, полиции удалось разгромить многие эсеровские организации и группы.

Учитывая информацию филеров и собственные «наработки», Губернское жандармское управление (ГЖУ) в сентябре 1908 г. – августе 1909 г. организовали большую оперативную работу по разгрому революционных сил в Воронежской и Тамбовской губерниях. Так, в сентябре 1908 г. было арестовано около 20 борисоглебских боевиков. В Воронежской губернии 1 августа полиции удалось задержать 27 боевиков. Некоторых из них полиция «захватила» в Москве и Твери¹.

Обыски и аресты социалистов-революционеров в Центральном Черноземье начались с середины 1907 г. Затем с новой силой они грянули в январе-декабре 1909 г. в ряде городов Центрального Черноземья: Курске, Старом Осколе, Щиграх, Тамбове, Кирсанове, Борисоглебске и др. В Козлове, например, было арестовано 50 человек, в Курске – 73, Старом Осколе – 86 и т.д.² По делу о Щигровском крестьянском союзе партии социалистов-революционеров перед военным судом предстало около 200 человек. Сведения о деятельности многих из них были даны провокаторами и сотрудниками КГЖУ³.

Суд установил виновность 96 лиц, в числе которых оказались два члена Государственной думы, священник, несколько дворян, сельских учителей, два студента. Основную же массу подсудимых составляли крестьяне⁴. В июле 1909 г. упомянутое дело было рассмотрено в Курском временном отделении Киевского военно-окружного суда. По его приговору 20 обвиняемых были оправданы, 34 – приговорены к ссылке на поселение, в том числе и дворянин И. Л. Михайлов, 25 – к каторжным работам на разные сроки, 9 человек – к смертной казни через повешение. В эту девятку входили и бывшие депутаты Государственных дум М. А. Меркулов и И. Е. Пьяных. Однако в их отношении приговор был изменен: смертную казнь заменили М. А. Меркулову 10-летней каторгой, И. Е. Пьяных пожизненной каторгой. После повторных арестов осенью 1909 г. на время приостановила деятельность Старооскольская организация. В целом же, только в Курской губернии в конце 1909 г. были ликвидированы Курская, Грайворонская, Старооскольская, Корочанская организации эсеров, Щигровский крестьянский союз партии социалистов-революционеров, а также крестьянские союзы в Дмитриевском и Льговском уездах. Прекратили свое существование и Курский комитет Всероссийского железнодорожного союза, военная организация⁵.

Накануне I-й Мировой войны в Сибири находилось более 5 тысяч политических ссыльных, а к февралю 1917 г. – 8389 человек. Около 1/5 ссыльных проживало в городах, промышленных пунктах, на крупных станциях. Среди них 934 человека – социал-демократы, 610 человек – социалисты-революционеры. Наибольшее количество эсеров проживало в Бодайбо, Иркутске, Красноярске, Черемхове, Новониколаевске, Минусинске и Томске⁶. Только в Киренском уезде Иркутской губернии в 1912 г. было зарегистрировано 670 политических ссыльных. Среди них: 255 социал-демократов, 201 социалист-революционер, 41 анархист, 8 максималистов, 118 беспартийных и т.д.⁷ Были среди них и уроженцы Центрального Черноземья. Так, из 936 человек, сосланных в Сибирь и в отдаленные губернии Европейской России в 1912–1913 гг., было освобождено от высылки 20 социалистов-революционеров исследуемого региона. Из них в Архангельской и Вятской губерниях находилось 6 человек, Олонецкой – 3, Томской, Тобольской и Якутской – 8, Енисейской – 3 человека. Всего же, по неполным данным, с 1907 по 1917 г. в Енисейскую губернию было направлено 34 социалиста-революционера, в Иркутскую – 41, Тобольск, Красноярск, Оренбург, Архангельскую губернию и т.д. – около 50 социалистов-революционеров Центрального Черноземья⁸.

Перед отправкой на поселение многим осужденным эсерам Центрального Черноземья пришлось пройти через Шлиссельбургскую, Бутырскую, Акатуевскую, Орловскую и другие тюрьмы. Так, из 100 эсеров региона каторгу отбывало 57 человек. В стенах Шлиссельбургской тюрьмы побывало 7 эсеров, Бутырской – 8, Александровской – 7, Владимирской – 8 и т.д. Через Архангельскую, Тобольскую, Ярославскую, Орловскую каторжные тюрьмы прошли многие известные революционеры региона. По 5-7 лет осужденные социалисты-революционеры томились в губернских тюрьмах⁹. В Акатуевской тюрьме, одной из семи тюрем Нерчинской каторги, находилось 25–30 эсеров, 3–4 социал-демократа, несколько анархистов; в Мальцевской каторжной тюрьме в январе 1907 г. содержалось 36 эсеров, 13 анархисток, 5 большевичек, 2 меньшевички и т.д. Были среди них и уроженцы Центрального Черноземья. Так, П. Н. Шавердо по пути следования в Архангельскую ссылку побывала в Бутырской, Ярославской и Архангельской тюрьмах. Немало мест заключения пришлось сменить Л. Н. Завадскому, члену Кирсановской организации ПСР. С 1908 г. по 1911 г. отбывал наказание в Тамбовской губернской тюрьме, в 1911–1913 гг. – в Бутырской, в 1913 г. отправлен на поселение в Мартыновскую волость Иркутской губернии.

Политическим заключенным в России приходилось бороться за свои права. Первоначально их помещали в камеры, где большинство состояло из уголовников, враждебно настроенных к ним. Тюремное начальство прилагало все усилия к тому, чтобы поссорить их между собой. Однако им это удавалось не всегда. «Политические заключенные терпеливо проводили среди уголовников, которых они считали жертвами несправедливого общественного устройства, разъяснительную работу, указывая на истинных виновников всех народных бед, в том числе и свирепого тюремного режима. В результате во многих тюрьмах возникло мирное сосуществование политиков и уголовных и их совместная оборона от произвола тюремщиков. Поняв в конце концов, что близкое соприкосновение политических с уголовными приводит не к торжеству заповеди «разделяй и властвуй», а к совершенно обратному результату, тюремное начальство стало содержать политических изолированно от уголовных. «Оно отвело им отдельные камеры, раздельно водило в баню, на прогулку», – вспоминал узник нескольких царских тюрем М.Н. Иванов¹⁰.

Несмотря на строгий режим, в тюрьмах действовали нелегальные землячества, кружки самообразования. Такие кружки в Бутырской тюрьме, например, называли «бутырскими университетами». Политзаключенным удалось организовать и небольшую библиотеку. Пополнялась она книгами, присланными заключенным с воли. После прочтения они передавали их в дар библиотеке. Иногда в тюремных библиотеках имелось несколько тысяч книг. Среди них имелась литература и на иностранном языке. Зачастую политзаключенные, находясь в тюрьме, занимались изучением иностранных языков, пополняли свои знания по истории, философии, экономике. Кроме того, политические заключенные могли заняться физическим трудом. При тюрьме действовала сапожная, швейная, ткацкая, переплетная и кузнечно-слесарная мастерские, имелись прачечная, баня, хлебопекарня, больница. В них работали заключенные. Такое положение было не только в Бутырской тюрьме. Так, в Тобольской тюрьме была создана библиотека, где библиотекарем работал М. А. Меркулов, один из лидеров Щигровского крестьянского союза ПСР. Он также был членом ревизионной комиссии и членом товарищеского суда в Александровской тюрьме.

В ряде тюрем политические пользовались автономией. Обычным явлением были диспуты, лекции, кружки, газеты, книги. Именно книги являлись главным содержанием и смыслом жизни многих политических. С воли они их получали в достаточном количестве. Это были главным образом научные издания. Они и составили небольшую, но ценную библиотеку по разным отраслям знаний. «Каторжане проводили занятия, в том числе и по естествознанию и иностранным языкам. Иногда они продолжались до 12 часов ночи, – вспоминала И. Каховская¹¹.

Попав на каторге в среду профессиональных революционеров, эсеры Центрального Черноземья по-настоящему стали проходить свои университеты. Большой авторитет у них завоевали известные лидеры эсеровского движения. М. А. Спиридонова, например, в Акатуевской тюрьме познакомилась с Г. А. Гершуни. На его лекции по истории русского революционного движения собиралась вся тюрьма, из-за ворот приходил надзор, и даже начальство позволяло себе выяснять у лектора какие-то интересные детали. «В женской каторжной тюрьме М. А. Спиридонова сумела сагитировать несколько надзирательниц, организовала широкую связь путем переписки с остальными мужскими каторжными тюрьмами и много способствовала тому духу высокой солидарности и принципиальной чистоты, которой отличалась в то время Нерчинская политическая каторга», – вспоминала о Спиридоновой И. К. Каховская¹². Тюрьмы ее были разбросаны в горах и в тайге на 200–300 верст одна от другой, но принципы поведения политических каторжан в отношении администрации и в их

внутренней коммунальной жизни выработаны были везде одинаковые. Это дало силу заключенным отстаивать свое достоинство от покушений тюремного, иногда очень жестокого начальства». Большое влияние на развитие теоретических взглядов и морально-этических представлений Спиридоновой оказал один из самых популярных деятелей ПСР, Егор Сазонов. Их встречи, а затем дружеская переписка продолжались вплоть до его трагической кончины 27 ноября 1910 года. Ссылные в Архангельской губернии познакомились с известным народовольцем С. А. Никоновым и членом ЦК ПСР В. Рихтером.

Большинство каторжных тюрем отличались своими «невыносимыми» условиями к существованию. Зачастую они были переполнены, и «это переполнение сопровождалось усиленной болезненностью, нередко переходящей в эпидемию». Во многих из них царила «страшная антисанитария». «В одной камере помещалось 20 человек, из которых девять тифозных валялись на грязном полу в бессознательном состоянии, из них – две женщины с грудными детьми», – вспоминала П. Н. Шавердо о положении в Курской тюрьме¹³.

Но «самым тяжелым местом лишением свободы», по словам тюремщиков, была Орловская каторжная тюрьма¹⁴. Если в Шлиссельбурге, например, преобладало наказание карцером, в Псковском центре в большинстве случаев наказывали розгами, то в Орловской штрафной тюрьме преобладала кулачная расправа. «По заведенному в Орле ритуалу пощечины доставались заключенным каждый день. Выходят в коридор за вещами – бьют, вызывают для обязательной стрижки – тоже попадает в задривок. Не было дня, чтобы в камеру не заходили два-три помощника с десятком надзирателей. Кобуры расстегнуты, лица злые. Достаточно малейшего предлога, чтобы у них зачесались руки, а как они начнут потасовку, так только и знай, что бока подставляй. Раскидают по полу, словно щепки, – всюду стоны и крики», – писал бывший узник центра И. И. Генкин¹⁵.

По неполным данным, с 1908 г. по октябрь 1912 г. в тюрьме было замучено и умерло от истязаний 437 человек; в 1908 г. (первый год каторги) из 795 заключенных замучен 91 человек, или около 11,5 % общего состава каторжан, в 1909 г. – 70 человек, или 10 %, в 1910 г. – 88 человек, или 10 %, в 1911 г. – 114 человек из 750, или более 15 %, за 9 месяцев 1912 г. – 74 из 717 заключенных; туберкулезом болело более 15 % заключенных политкаторжан. Необычайная цифра умерших от чахотки вызвала тревогу даже со стороны Главного тюремного управления.

Среди узников Орловского центра находились и уроженцы Центрального Черноземья. Это были в основном активные участники эсеровского движения в период первой российской революции 1905–1907 гг. Один из них – член Щигровского крестьянского союза ПСР С. Т. Харин. В Орловском центре отбывал наказание с 1909 по 1914 гг. На поселение был водворен в Илгинскую волость Иркутской губернии. Многие годы в Орловской тюрьме провели курские эсеры В. Г. Крючков, П. К. Литвинов и другие¹⁶.

Внутренний режим большинства тюрем был доведен до необычайной строгости, а в отдельных случаях и до неимоверной жестокости. Это вызывало ряд неизбежных эксцессов и массовых протестов. Так, из 178 человек, участвовавших в общих протестах, 39 объявили о голодовке, 122 человека были отправлены в карцер или находились на карцерном положении¹⁷.

Многим эсерам Центрального Черноземья пришлось испытать всю тяжесть карцерного положения. Так, П. Н. Шавердо после нескольких недель, проведенных в «грязной и сырой яме», потеряла возможность самостоятельно передвигаться и буквально на глазах превратилась в старуху. Жандармы дали ей кличку «Старуха», а местные эсеры называли ее «бабушкой» курских эсеров.

Находясь в тяжелейших тюремных условиях, политические заключенные продолжали борьбу с царским самодержавием. Они устраивали голодовки, организовывали массовые побеги заключенных. Так, член Воронежской организации ПСР К. И. Коваленко, находясь в Иркутской тюрьме, принимала участие в организации побега М. Школьник. П. Н. Шавердо, чтобы привлечь внимание тюремного начальства к антисанитарному положению, в котором находились заключенные женщины и дети в курской тюрьме, решилась оскорбить должностное лицо. Она надеялась на то, что за это ее будут судить, а на суде она предаст огласке то, что происходит в тюрьме¹⁸.

Иногда политзаключенные обращались с запросами даже в Государственную думу. «В Орловской каторжной тюрьме бьют за все: бьют за то, что здоров, бьют за то, что больной, бьют за то, что русский, бьют за то, что еврей, бьют за то, что имеешь крест на шее, и бьют за то, что не имеешь его», – так описывали положение политкаторжан левые депутаты Думы¹⁹.

Этапирование политических заключенных совершалось в душных и переполненных вагонах. Но иногда «переезд» в Сибирь и на Север страны происходил в обстановке, весьма далекой от обычного этапирования государственных преступников. Революция в Сибири еще не была усмирена. Каторжный вагон на многих станциях встречали с красными флагами и цветами²⁰. Так было с вагоном, в котором находилась М. А. Спиридонова – член боевой организации ПСР из Тамбова.

Не совсем обычно проходило и этапирование «бабушки» курских революционеров. На одной из станций конвоиры переносили ее в арестантский вагон на носилках. Такая необычная транспортировка вызвала недоумение и негодование у многих рабочих: «Какое преступление совершила эта больная женщина и почему ее считают такой опасной, ведь она не может даже передвигаться самостоятельно!». Позже П. Н. Шавердо вспоминала: «В вагоне я завела беседу с нашими конвойными. Спросила у них – почему их царь-батюшка, которому они так усердно служат, имея в своем распоряжении войска, пушки, пулеметы, – боится старой больной бабы, держит ее под замком? Старший конвоир молча слушал, а потом заявил: «А вот ты, бабушка, своим языком лучше пулемета бьешь...»²¹.

Эсеры исследуемого региона продолжали революционную деятельность и в ссылке. Здесь ссыльнопоселенцы могли действовать более свободно. Они объединялись в небольшие группы и кружки. Так, группа эсеров-курян, находящихся в г. Сольвычегодске, входила в небольшой кружок, в котором «проходили чтения газет прогрессивного направления и отдельных нелегальных изданий, попадавших в ссылку»²².

Революционные кружки были созданы и в других местах Сибири: Пинеге, Иркутске, Архангельске... К примеру в 1914–1917 гг. из 15 эсеровских организаций, существовавших в Сибири 7 находились в Енисейской губернии (в 14 населенных пунктах) и 4 – в Иркутской губернии (22 населенных пункта). За участие в революционной деятельности в Енисейске Дмитрий Пьяных и его сестра Ольга были арестованы и высланы из Енисейска в отдаленную волость.

Таким образом, видные деятели неонароднического движения региона в межреволюционный период находились в ссылке, на каторге, в тюрьмах. Но и там революционная работа продолжалась. Так, в 1915 г. в Департамент полиции поступили данные о том, что уроженец Тамбовской губернии Дмитрий Скобелев, служивший табельщиком на одной из железнодорожных станций в Иркутской губернии, в переписке со своими товарищами из Тамбова сообщал о том, что «сибирские рабочие и крестьяне подготовлены к партийной деятельности и ждут призыва и руководителей из Европейской России»²³.

Революционной деятельностью среди местного населения занимался и Л. М. Брагинский, один из активных членов военной организации социалистов-революционеров г. Курска. В 1906 г. он был арестован, провел два года в тюрьме. Затем Харьковской судебной палатой был приговорен к ссылке на поселение, которую отбывал в г. Бодайбо на р. Лене. После Ленских событий являлся одним из информаторов Государственной думы во время думского расследования. С 1916 г. жил во Владивостоке, служил экспедитором таможни. В 1917 г. принял активное участие в организации Владивостокского Совета, был избран членом Исполкома и ответственным секретарем от торгово-промышленных служащих.

В Исполнительный комитет Енисейского Совета рабочих и солдатских депутатов входил и Д. И. Пьяных, Читинского – М. А. Спиридонова и т.д. Последняя, освобожденная 3 марта 1917 г. из Акатуевской тюрьмы, почти сразу же приступила к активной политической борьбе. Уже 8 марта, оказавшись в Чите, она вступила в контакт с местной эсеровской группой, выпускавшей с 17 марта газету «Народное дело». М.А. Спиридонова вела пропаганду, подписывала воззвания к населению об оказании помощи политкаторжанам, выступала с докладами на заседаниях исполкома Читинского Совета рабочих и солдатских депутатов. После ее речи на заседании 13 мая исполком принял решение о ликвидации Нерчинской каторги²⁴.

За участие в революционной деятельности среди населения Сибири и Севера России многие эсеры Центрального Черноземья были арестованы и повторно осуждены. Привлекалась к формальному дознанию ГЖУ в 1910 г. сосланная в Архангельскую губернию под негласный надзор полиции Анастасия Шишкина. За участие в революционной деятельности в этой губернии ее заключили в крепость на полтора года. Курский эсер Г. Т. Таран, сосланный в Енисейскую губернию за участие в организации забастовки шахтеров и за агитацию, направленную против войны, был осужден в 1915 г. и отправлен в Иркутскую тюрьму и т.д.²⁵

Во многих городах Сибири и Севера среди ссыльных была хорошо налажена организация помощи товарищам. В Архангельске ею руководил бывший народоволец С.А. Никонов, сосланный сюда вместе с женой за активную революционную деятельность. Здесь он работал в городской больнице, оказывал большую помощь ссыльным. С.А. Никонов пытался построить жизнь ссыльных на коммунистических началах, старался создать более сносные условия для их существования. В Архангельске проживала сосланная из Курска П. Н. Шавердо. «Мы называли ее бабушкой. Это была худенькая, высокая старуха лет пятидесяти пяти, совершенно седая и вдобавок с парализованными ногами», – писал в своих воспоминаниях М. Н. Иванов²⁶. С первых дней поселения Шавердо в Архангельске многие ссыльные принимали горячее участие в оказании ей помощи. Прежде всего, это были С. Рихтер и С. А. Никонов. По их просьбе ссыльные навещали Шавердо, приносили ей книги и газеты из библиотеки. В это время здесь уже существовал «сплоченный и дисциплинированный» кружок ссыльнопоселенцев, ведущую роль в котором играли врачи (супруги) Никоновы. Они поддерживали курынку морально, устроили на квартиру, стали лечить. После длительного лечения Шавердо начала передвигаться на костылях.

Архангельский кружок имел постоянные связи со всей ссылкой по губернии. «Заброшенным в глухие места товарищам посылались книги, учебники, рабочим – нужные инструменты и другие пособия. Посылали деньги, одежду и паспорта для побегов. Собрannую помощь отсылали вплоть до каторги», – писала П. Н. Шавердо. Вскоре П. Н. Шавердо была привлечена к активной революционной деятельности. Несмотря на то что она была практически прикована к постели, С. А. Никонов «возложил на нее» ведение переписки с товарищами, находящимися в уездах и на свободе. Она также сотрудничала в газетах, устраивала чтения и беседы, которые

посещали рабочие и интеллигенция. По инициативе П. Н. Шавердо архангельские рабочие выпустили революционную листовку к празднованию 1 мая. Кроме того, П. Н. Шавердо способствовала тому, что учебники и другую литературу регулярно доставляли в уезды. Благодаря этому учащаяся молодежь была подготовлена к тому, чтобы держать экзамен на звание учителя при Архангельской гимназии.

В Холмогорах, куда П. Н. Шавердо отправили спустя некоторое время, она организовала небольшую мастерскую по пошиву обуви. «Я выучилась шить туфли на веревочных подошвах, собрала группу ссыльных и учила их этому ремеслу. В группу входило 18–20 человек. Обычно при нашей работе кто-то читал вслух революционную литературу. Этим делом ссыльные заинтересовались», – отмечала Шавердо²⁷.

Об эсерах, попавших в тюрьмы и ссылку, проявляли заботу их товарищи, оставшиеся на свободе. Для этого действовал на воле «Комитет революционного Красного Креста». Это была межпартийная организация. Она собирала большие средства деньгами и вещами среди лиц, сочувствующих революционной борьбе. Для пополнения средств комитет время от времени устраивал платные нелегальные вечеринки, на которых выступали певцы, музыканты – не только любители, но и профессиональные артисты. На них присутствовало иногда по 50–60 зрителей. В задачу комитета входило также не только снабжение нуждающихся политических заключенных деньгами, вещами, продуктами, но и организация их судебной защиты, а также помощь женам, детям, престарелым родителям, потерявшим в результате ареста своих кормильцев. Все продовольственные передачи, как от родственников, так и от Красного Креста, поступали в пользование камерной коммуны. Это вошло в обычай. Он помог спасти жизнь и здоровье многих революционеров», – вспоминал М. Н. Иванов²⁸.

Эсеры Центрального Черноземья также оказывали помощь своим товарищам. Так, в 1911 г. в КГЖУ из Иркутского районного охранного отделения поступили сведения о том, что члены Курской организации ПСР поддерживали непрерывную связь с политическими ссыльными Иркутской губернии. Эта связь выражалась, прежде всего, в материальной поддержке ссыльных. К примеру, в 1908 г. Курская организация ПСР перевела ссыльным более 1000 рублей, Воронежская – 500 рублей. Кроме того, воронежский комитет перевел 1500 рублей политзаключенным, находившимся в Воронежской тюрьме²⁹.

Иногда эсеровская эмиграция организовывала побеги политзаключенных. Так, во время перевозки по болезни из Енисейской губернии в Минусинск бежал через Японию в Австралию эсер Г. Ф. Родионов. За принадлежность к Курской организации ПСР он отбывал ссылку на Ангаре, работал на золотых приисках в южной тайге. В Австралии он принял участие в антивоенных выступлениях, за что был заключен в лагерь военнопленных. И только в 1917 г. он был отправлен в Россию. Удалось бежать во Францию и находящемуся на поселении в Карпачевской волости Иркутской губернии эсеру М. И. Рождественскому. В Париже он жил до 1917 г., окончил математическое отделение Парижского университета.

Как видим, эсеры Центрального Черноземья, находящиеся в тюрьмах и на каторге, в большинстве своем продолжали заниматься противоправительственной деятельностью. Многие из них по возвращении в родные места, пройдя «бутырские», «шлиссельбургские», «орловские» и другие «университеты», прилагали максимум усилий для возрождения эсеровского движения в регионе.

¹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 272. Оп. 1. Д. 1151. Л. 340; Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 106.

² ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1288. Л. 21; Д. 1289. Л. 15; Д. 1290. Л. 376

³ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-2968. Оп. 4. Д. 11. Л. 1

-
- ⁴ Там же. Ф.1642. Оп.2. Д.287. Л.257; Д.795. Л.876; Д.426. Л.2.
- ⁵ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д.434. Л. 210.
- ⁶ Горюшкин Л. М. Эсеры в Сибирской ссылке в годы первой мировой войны // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. : сб. науч. тр. Новосибирск, 1988. С 107.
- ⁷ Пешехонов А.В. На очередные темы : очерки политической ссылки // Русское богатство. 1912. № 7.С. 42-76.
- ⁸ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 774. Л. 29-34.
- ⁹ Политическая каторга и ссылка : биографический словарь-справочник. М., 1929. С. 1- 686.
- ¹⁰ Иванов М. Из дневника политзаключенного / под ред. Г.А. Салтык. Курск, 2002. С. 209.
- ¹¹ Каховская И. Дни и годы // Учеба и культработа в тюрьме и на каторге. М., 1932. С. 164.
- ¹² Цит. по: Гусев К.В. Эсеровская богородица. Москва, 1992. С. 60.
- ¹³ ГАКО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ¹⁴ Генкин И.И. В камерах Орловского централа. Воронеж, 1934. С. 5.
- ¹⁵ Там же. С. 13.
- ¹⁶ Политическая каторга и ссылка : биографический справочник. 1934. С. 681.
- ¹⁷ Пешехонов А.В. Очерки политической ссылки // Русское богатство. 1912. № 7. С. 42.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-4.
- ¹⁹ Генкин И.И. Указ. соч. С. 96.
- ²⁰ Измайлович А. Из прошлого // Каторга и ссылка. 1924. № 1. С. 163-165; Школьник М. Жизнь бывшей террористки. М., 1930. С. 92.
- ²¹ Архангельская ссылка : (Личные воспоминания П.Н. Шавердо) // ГАКО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 2.
- ²² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 339. Л. 56.
- ²³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ДП ОО. Ф. 102.Оп. 245. 1915. Д. 9. Ч. 76. Л.2.
- ²⁴ Безбрежьев С.В. М.А. Спиридонова // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 340.
- ²⁵ Политическая каторга и ссылка. Указ. соч. С. 627.
- ²⁶ Иванов М. Из дневника политзаключенного / под общей ред. Г. А. Салтык. Курск, 2002. С. 302.
- ²⁷ ГАКО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-33.
- ²⁸ Иванов М. Из дневника политзаключенного. Указ. соч. С. 210.
- ²⁹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 389. Л. 371; ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 461. Л. 6.